

Одинокова Дарья Викторовна

«ОБРАЗ ЭПОХИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ТРАГЕДИИ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ АВТОРА

Специальность 10.01.01. – «Русская литература»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре литературы Новосибирского государственного университета.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор Н.С. Демкова

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор А.Э. Еремеев

кандидат филологических наук, доцент В.И. Габдуллина

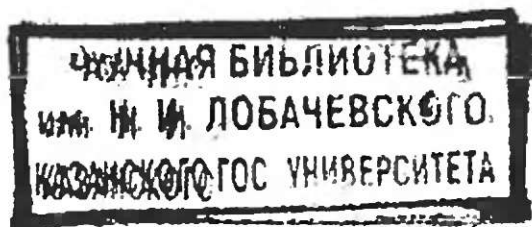
Ведущая организация:

Институт филологии СО РАН

Защита состоится 30 октября 2002 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета К 212.005.03 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Алтайском государственном университете по адресу: 656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, д. 66.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан «30» сентября 2002 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Гриб

М.П. Гребнева

Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» представляет особый интерес для исследователей с двух позиций – как произведение, ознаменовавшее начало нового этапа в творчестве поэта, его переход от романтизма к реализму, и как литературное явление, оказавшее существенное влияние на русский литературный процесс в целом, в особенности, в силу принадлежности к конкретному жанру, на драматургию и историческую художественную литературу.

В русской исторической литературе вообще и в исторической драматургии в частности ко времени Пушкина было в достаточной степени намечено направление, по которому данный жанр должен был развиваться. Предшественниками Пушкина в области исторической драматургии можно назвать М.В. Ломоносова, написавшего трагедию «Тамира и Селим» (1750), А.П. Сумарокова, создавшего трагедии «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750) и «Димитрий Самозванец» (1771), Я.Б. Княжнина, перу которого принадлежит трагедия «Вадим Новгородский» (1789), а также В.А. Озерова, автора драм «Ярополк и Олег» (1798) и «Дмитрий Донской» (1807). Все перечисленные произведения опирались на исторический материал и в некоторых из них присутствовали методы обработки и компоновки этого материала, позже успешно применявшиеся Пушкиным.

Исторические произведения эпохи классицизма и романтизма, при наличии неких черт сходства между ними и произведением Пушкина, все же не могут быть поставлены в один ряд с «Борисом Годуновым» в силу того, что в них присутствует принципиально иной подход к отражению действительности. В драмах эпохи классицизма развитие характеров и сюжета ограничивалось определенными рамками за счет существования правила «трех единств»; в романтизме были сняты ограничения подобного рода, однако установка на максимальное приближение к реальности по-прежнему отсутствовала – и в классических, и в романтических произведениях, наряду с подлинными историческими фактами, отражались легендарные сведения, а подготовительный этап не предполагал добросовестного научного изучения максимального количества доступных источников, поскольку конечной целью являлось не воссоздание документальной картины и атмосферы исторического прошлого в адекватной художественной форме, а внушение читателю неких идей, имеющих злободневное значение, или формирование обобщенного поэтического облика персонажа или события, что лишь отчасти имеет соприкосновение с реальной действительностью. Этим заданием обуславливалась и соответствующая драматургическая поэтика данных произведений.

Пушкин создавал свою драму, ориентируясь, разумеется, на некоторые перспективные традиции, сложившиеся за предшествующий период, но он впервые утвердил в пределах одного произведения, с одной стороны, свободу от формальных ограничений классицизма, а с другой – необходи-

мость и закономерность авторского вымысла строго в рамках исторического правдоподобия. «Борис Годунов» представляет собой оригинальное сочетание принципа творческой свободы, декларируемой романтической эстетикой, и умелого ограничения авторской фантазии за счет необходимости адекватно воссоздавать действительность. В этом плане трагедия «Борис Годунов» отражает не только процесс выработки творческих принципов создания произведений подобного рода, но и представляет интерес с позиций изучения общеисторических взглядов, присущих Пушкину и отражающих особенности его времени.

Анализу трагедии «Борис Годунов» посвящена многочисленная критическая и исследовательская литература, рассматривающая особенности художественной структуры драмы и различные аспекты ее функционирования в литературном процессе. При этом можно выделить несколько исторически определившихся направлений исследования: это новаторство Пушкина, выразившееся в создании новых принципов организации драматургического материала, и характер историзма драмы. Особенности историзма связаны с рассмотрением вопроса о степени зависимости Пушкина от взглядов Н.М. Карамзина, чья «История государства Российского» имеет к драме непосредственное отношение. В силу того, что повествование в драме опирается на реальные исторические факты, в поле зрения исследователей также оказался вопрос об источниках этих фактов и о характере их интерпретации.

Несмотря на обилие исследований, отдельные проблемные моменты все еще остаются спорными. Прежде всего, это вопрос о завершенности художественной структуры драмы и комплекс вопросов, касающихся специфики историзма трагедии. Выделенные аспекты изучения требуют в настоящее время не просто частных дополнений и уточнений, но системного анализа с учетом внутренней завершенности и цельности поэтической структуры произведения.

Актуальность данного исследования в литературоведческом плане связана, таким образом, с неразрешенностью вопроса о сути новаторства драмы «Борис Годунов», которая положила начало особому этапу в творчестве Пушкина и оказала существенное влияние не только на русскую драматургию, но и на всю русскую литературу с исторической тематикой. В диссертации в связи с этим проводится рассмотрение принципов воссоздания действительности, которые сложились в творческом сознании Пушкина при работе над драмой и реализовались в его произведении. Подчеркивается зависимость художественной структуры трагедии от этих принципов и связь концепции отображения действительности в драме с общим пониманием истории, присущим Пушкину.

В данной работе выдвигается тезис о том, что в своей трагедии, изображая события далекого прошлого, Пушкин ставил задачей уловить дух

времени, для чего создал уникальное по свойствам произведение, сочетающее в себе черты художественного и документального исторического повествования. Драма «Борис Годунов», разумеется, не может считаться точным воспроизведением описываемой эпохи, но в ней создан художественный «образ эпохи», не противоречащий исторической истине. Эта идея высказывалась в научной литературе и раньше, но, как правило, эта мысль не становилась смысловым стержнем для всестороннего истолкования трагедии, оставаясь в глазах исследователей лишь одним из частных аспектов взглядов писателя. Между тем, на наш взгляд, понятие «образа эпохи» может дать ключ к пониманию пушкинского историзма в целом, в том числе помочь в разъяснении спорных моментов, касающихся характера воссоздания действительности в трагедии, использования исторических источников и других сопутствующих проблем.

Заложенные Пушкиным основы изображения исторической действительности в художественных произведениях развивались на протяжении XIX и XX вв., предопределив усиливающуюся ориентацию на создание правдоподобных картин исторической действительности, где вымысел автора осознанно ограничивается необходимостью быть близким к духу изображаемого времени. Проблема воссоздания прошлого в художественных произведениях, взаимодействия фантазии и исторического материала, а также в целом взаимоотношений литературы и истории остается актуальной до сегодняшнего дня.

Кроме того, определенный интерес может представлять рассмотрение вопроса о том, как формируется неповторимый «образ эпохи». В диссертации проясняется позиция Пушкина, который считал, что «образ эпохи» определяется характером мировоззрения и мировосприятия людей, живших в то время, мнениями, которые складывались у них о том или ином событии или историческом деятеле. Дополнительным аспектом проблемы «образа эпохи» в пушкинской интерпретации выступает вопрос о влиянии мнений, формирующихся в народе, на ход исторических событий.

Научная новизна диссертации заключается в том, что драма «Борис Годунов» рассматривается в свете особенностей воссоздания исторической действительности в художественном произведении. Вводится понятие «образа эпохи» как сущности, которую Пушкин прежде всего стремился отобразить в драме и которая постигается благодаря проникновению в суть событий не только за счет освоения фактического материала, но и за счет привлечения «человеческих документов», т.е. свидетельств современников, носящих на себе «отпечаток» времени.

Выдвигается также новый вариант подхода к анализу структуры драмы – художественная завершенность действия рассматривается в свете мотивного анализа, который проясняет поэтический механизм создания «образа эпохи» и дает возможность понять, как именно Пушкин сводит воедино

все мотивные линии и завершает пьесу логически обоснованным и исторически оправданным финалом.

В работе прослеживаются и анализируются параллели между взглядами Пушкина на историческое повествование и тезисами, излагаемыми в риториках и учебниках словесности XIX в., которые открывали путь к формированию позднейшей эстетики слова. Вопрос о влиянии риторик на Пушкина в исследовательской литературе последнего времени уже ставился, однако данная проблема затрагивала лишь возможное влияние на Пушкина приемов и методов, описываемых в риториках, тогда как мы используем положения теоретического плана, относящиеся к характеристике отдельных жанров, к целям и задачам различных типов повествования и т.п.

Проводится также сопоставление понимания Пушкиным истории вообще с положениями, содержащимися в историософских концепциях, которые существовали в Европе и в России на рубеже веков. Исторические взгляды Пушкина постоянно вызывают исследовательский интерес, и их анализу посвящено достаточно много работ, однако мы постарались, наряду с общей характеристикой особенностей пушкинского понимания исторического процесса, ввести его взгляды в общеевропейский контекст, сопоставив с историософскими концепциями, отметившими начало нового этапа в развитии исторической науки.

Цель диссертации – рассмотреть сложившуюся у Пушкина систему принципов воспроизведения исторической реальности в художественном повествовании на материале драмы «Борис Годунов», определить сущность влияния, которое она оказала на дальнейшее творчество самого Пушкина и на русскую литературу в целом, выявить механизм формирования данных идей в сознании писателя. Для этого предполагается разрешить следующие исследовательские задачи:

прояснить принцип воссоздания реальной исторической действительности в художественном произведении, которым руководствовался Пушкин при работе над драмой «Борис Годунов»;

учитывая стремление Пушкина отражать в своем произведении «образ эпохи», выяснить, какие источники соответствовали целям писателя и были им использованы;

рассмотреть систему образов главных героев драмы с точки зрения соответствия их характеристик тем сведениям, которые имеются в исторических источниках, и подтвердить тезис о том, что трагедия строится на мнениях и взглядах современников Смуты, которые формируют неповторимую атмосферу эпохи;

провести мотивный анализ текста для демонстрации, с одной стороны, механизма функционирования устойчивых элементов, заимствованных из источников, и, с другой, для выявления композиционных особенностей

драмы и для прояснения спорных вопросов проблематики, которые за счет описания «полифонической» мотивной структуры получают дополнительное освещение. Доказать с помощью мотивного анализа уникальность избранной Пушкиным модели художественного воспроизведения исторической действительности, внутреннюю поэтическую гармонию трагедии и ее логическую завершенность.

соотнести полученные выводы с взглядами Пушкина на исторические произведения и на историю вообще, выделив те моменты, которые реализуются в драме «Борис Годунов» - представления о принципах воссоздания действительности в художественной литературе в отличие от документальных научных трудов, понимание исторического процесса, отношение к источникам исторических сведений, интерпретация характеров исторических деятелей и т.п.; проанализировать эти взгляды в контексте историко-философских концепций того времени, а также в соотношении с теоретическими положениями, содержащимися в риториках и учебниках словесности XIX в., где излагаются результаты осмысления законов создания литературных произведений и сущности отдельных жанров.

Методология исследования основывается на принципах комплексного подхода к анализу произведения. Такой подход предусматривает использование принципов и приемов текстологического анализа источников, историко-типологического и историко-функционального методов. Текстовый и мотивный анализ трагедии дополняется рассмотрением теоретических взглядов Пушкина, для чего в качестве объекта исследования привлекается не только непосредственно сама драма, но и заметки и критические статьи, дающие возможность оценить особенности исторических взглядов Пушкина, которые он на практическом уровне реализовал в трагедии. Кроме того, проводится сопоставительный анализ драмы «Борис Годунов» и летописей, а также записок очевидцев, которые отразили события эпохи Смуты.

Соответственно, предметом и материалом исследования являются, прежде всего, сочинения А.С. Пушкина – трагедия «Борис Годунов», заметки и статьи, написанные в разное время, но связанные тем, что все они проливают свет на тот или иной аспект исторических взглядов Пушкина или на его понимание особенностей отражения исторической эпохи в вымышленном повествовании. Помимо произведений Пушкина, для анализа привлекаются исторические источники времен Смуты (летописи, предания, записки иностранцев Мартина Бера, Петра Петрея, Маржерета, Георга Паерле и др.), а также «История государства Российского» Н.М. Карамзина, где эти источники представлены в сжатом и обработанном виде. В диссертации используются риторика и учебники словесности, дающие представление о сложившейся к XIX в. соответствующей традиции, отчетливые следы которой можно обнаружить в творческом наследии Пушкина.

Конкретную научно-методологическую и теоретическую базу диссертации составили, во-первых, сочинения писателей и критиков – современников Пушкина, анализировавших его произведения – Н.И. Надеждина, В.Г. Белинского, Н.В. Гоголя, И.В. Киреевского и др., во-вторых, работы дореволюционных авторов, среди которых можно отметить И.Н. Жданова, Б.Л. Модзалевского, М.М. Покровского, Н.П. Сильванского, Б. Энгельгардта и др. Третью большую группу составляют исследования советского периода, где наиболее видное место занимают труды Г.О. Винокура, Д.Д. Благого, Б.П. Городецкого, М.П. Алексеева, а также С.Б. Рассадина, Г. Блока, О. Фельдмана. Кроме того, используются работы последних лет, принадлежащие отечественным (Л.М. Лотман, С.А. Фомичев и др.) и зарубежным авторам (Ф. Раскольников, К. Эмерсон, С. Сандлер и др.). Для прояснения отдельных аспектов историзма трагедии возникала также необходимость прибегнуть к чисто историческим исследованиям – чтобы проследить развитие в научной литературе оценку событий и деятелей Смутного времени, в диссертации используются труды М.П. Погодина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, В.К. Клейна, а также исследователей более позднего времени – Л.В. Черепнина, Р.Г. Скрынникова, И.И. Полосина и др. Уяснение особенностей исторических преданий, которые у Пушкина фигурируют в качестве основных источников информации о взглядах современников и очевидцев Смуты, производится с опорой на исследования известных фольклористов В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова, В.К. Соколовой, К.В. Чистова и др. В сфере мотивного анализа в качестве базовых исследований используются труды А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, Б.М. Гаспарова и др.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы и сделанные выводы могут быть использованы при подготовке общих и специальных историко-литературных курсов и при проведении семинарских занятий в высших учебных заведениях, а также при исследовании проблем русской литературы XIX в.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах, прочитанных на XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2000); на XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2001); на Международной научной конференции «Книга и литература в культурном контексте» (Новосибирск, 2001); на Научной конференции молодых ученых Института филологии СО РАН (Новосибирск, 2002); на XL Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2002); на Кирилло-Мефодиевской научной сессии (Новосибирск, 2002); а также опубликованы в статьях, список которых приведен в конце автореферата.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении поставлена проблема, связанная со своеобразием драмы «Борис Годунов» как художественного явления, которое соединило в себе особенности чисто художественного произведения с изображением исторических реалий, опирающимся на подлинные исторические документы. Дается историография вопросов, относящихся к рассмотрению драмы в критической и научной литературе. Выделены основные моменты, на которых сосредотачивалось внимание исследователей – в первой половине XIX в. особый интерес вызывала проблема зависимости драмы от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, а также вопрос о специфической жанровой принадлежности произведения и об особенностях его художественной формы, которые входили в противоречие с правилами классической драмы, распространенными в начале века.

Разрешению этих двух вопросов были посвящены статьи Н.И. Надеждина¹, И.В. Киреевского², В.Г. Белинского³ и многих других авторов, причем критики – современники Пушкина обычно приходили к выводу, что драма представляет собой повторение «Истории», а в отношении формы все отмечали фрагментарность, разорванность действия, в котором непривычно для людей XIX в. чередовались разнообразные сцены, внешне как будто мало связанные. У критиков варьировалась только оценка данных особенностей – одни склонны были оправдывать поэта за несоблюдение формальных требований и не находили ничего пагубного в следовании за событийным рядом «Истории» (Н.И. Надеждин, И.В. Киреевский), другие осуждали «рабскую зависимость» от Карамзина и беспорядочность расположения сцен, заставляющих внимание зрителя рассеиваться (Н. Полевой⁴, В.Г. Белинский).

---

¹ Надеждин Н.И. «Борис Годунов». Сочинение А. Пушкина. Беседа старых знакомцев // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 254-270.

² Киреевский И.В. Обзорение русской словесности за 1831 год // Европеец, 1832, январь, № 1. С. 102-115.

³ Белинский В.Г. «Борис Годунов» // Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти т.т. М., 1981. Т. 6. С. 427-453.

⁴ Полевой Н. «Борис Годунов», сочинение Александра Пушкина // Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина / сост. В. Зелинский. Ч. 3. М., 1888. С. 171-213.

В конце XIX в. в пушкинистике возникла другая тенденция, связанная с истолкованием «Бориса Годунова» - основу ее заложил И.Н. Жданов⁵, высказавший тезис о существенных различиях между изображением событий в «Истории» Карамзина и в произведении Пушкина, а также о принципиально ином подходе поэта к пониманию трагедии главного героя: Жданов в судьбе пушкинского Бориса на первый план поставил социальный конфликт, тогда как у Карамзина первостепенное значение имела религиозно-нравственная подоплека происходившего.

В дальнейшем утверждение Жданова о том, что в событиях, представленных в трагедии Пушкина следует искать не моральный подтекст, а социальный, было развито в статьях Н.П. Сильванского⁶ и Б. Энгельгардта⁷, написанных в начале XX в. Сильванский и Энгельгардт находили в драме Пушкина изображение в первую очередь социальных процессов, т.е. столкновение царя и народа, соответственно, история Бориса рассматривалась ими как трагическое и исторически неизбежное противоречие, возникающее между народными массами и властью.

В советское время социальная версия трагедии Бориса получила большое распространение, поскольку соответствовала марксистскому пониманию истории, трактовавшейся как история классовой борьбы. Советские исследователи в пушкинской драме сосредотачивались на важности роли народной массы, в подтверждение правильности такого подхода ссылаясь на наличие в трагедии достаточно большого количества сцен, где внимание сосредоточено на людях из толпы. Эту точку зрения можно найти в трудах К.В. Базилевича⁸, Б.Д Грекова⁹, Б.П. Городецкого¹⁰, Д.Д. Благого¹¹,

---

⁵ Жданов И.Н. О драме А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Сочинения И.Н. Жданова. Т. II. СПб., 1907. С. 99-134.

⁶ Сильванский Н.П. Народ и царь в трагедии Пушкина // Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова. Пушкин. Т. II. СПб., 1908. С. 308-314.

⁷ Энгельгардт Б. Историзм Пушкина (К вопросу о характере пушкинского объективизма) // Пушкинист: Историко-литературный сборник. Вып. II. Пг., 1916. С. 1-158.

⁸ Базилевич К.В. Борис Годунов в изображении Пушкина // Исторические записки. Т. I. М., 1937. С. 29-55.

⁹ Греков Б.Д. Исторические воззрения Пушкина // Исторические записки. Т. I. М., 1937. С. 3-28.

¹⁰ Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.; Л., 1953.

¹¹ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826). М.; Л., 1950; Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М., 1955.

М.П. Алексеева¹² и многих других. Особо следует отметить работу Г.О. Винокура¹³, относящуюся также к советскому периоду (1937 г.) и носящую на себе четкий отпечаток взглядов того времени, однако обладающую определенным своеобразием – Винокур постарался не только выразить свое понимание трагедии, но и дал развернутый всесторонний комментарий к произведению, чего до него никто не делал.

Параллельно в советскую эпоху был существенно расширен список вопросов, связанных с драмой и подлежащих рассмотрению в научной литературе – увеличилось число произведений, в которых усматривались определенные параллели с «Борисом Годуновым», особое внимание было уделено истолкованию финальной ремарки «Народ безмолвствует», трагедия в целом стала восприниматься не только как своеобразное художественное творение, но и как выражение исторических взглядов Пушкина.

Определенный перелом в восприятии трагедии наметился в конце 80-х - начале 90-х гг. XX в., когда произошла переоценка марксистского подхода, в связи с чем истолкование пушкинской драмы освободилось от идеологического диктата. В том же русле, т.е. как работы, свободные от влияния советской идеологии и исходящие лишь из особенностей самого материала, следует рассматривать исследования зарубежных литературоведов – в диссертации приводятся мнения, высказанные, например, Кэрил Эмерсон¹⁴ (1986 г.) и Стефани Сандлер¹⁵ (1989 г.), причем работа последнего автора отличается нетрадиционным подходом к драме - с точки зрения психологии. Следует отметить также точку зрения И.З. Сермана¹⁶ (1981 г.), которая активно используется в диссертации – о том, что трагедия представляет собой в первую очередь воспроизведение «образа мыслей» людей времен Смуты. С позиций интерпретации историко-философских взглядов Пушкина примечателен доклад Ф. Раскольников¹⁷ на XII Международном

---

¹² Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984.

¹³ Винокур Г.О. Собрание трудов. Комментарии к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. М., 1999.

¹⁴ Эмерсон Кэрил. «Борис Годунов» А.С. Пушкина // Современное американское пушкиноведение. СПб., 1999. С. 111-152.

¹⁵ Сандлер Стефани. Далекие радости. Пушкин и творчество изгнания. СПб., 1999.

¹⁶ Serman I.Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's Boris Godunov // The Slavonic and East European Review. Index to vol. 64, 1986. P. 25-39.

¹⁷ Felix Raskolnikov. The rational and the irrational in *Boris Godunov*. Pushkin's vision of history // XII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo, folklorystyka, nauka o kulturze. Warszawa, 1998. С. 249.

конгрессе славистов 1998 г., где автор попытался аргументировать иррациональность исторического мышления Пушкина, отраженного, по мнению Раскольниковца, в том числе во внешне хаотичном построении драмы «Борис Годунов».

Среди отечественных работ последних лет следует отметить комментарии к «Борису Годунову», подготовленные в 1996 г. Л.М. Лотман и С.А. Фомичевым¹⁸. Данные комментарии рассматривают все основные вопросы, связанные с драмой – от отношения Пушкина к «Истории» Карамзина до установления других возможных влияний – и включают в себя подробный историко-литературный анализ каждой сцены.

Историография дает четкое представление о том, какие вопросы прежде всего волновали исследователей – речь идет о зависимости трагедии от «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, своеобразии художественной формы и в более широком плане – вообще об исторических взглядах Пушкина, отразившихся в драме. Рассмотрение истории изучения всех этих проблем также свидетельствует о том, что окончательного мнения, с которым бы согласилось большинство критиков и литературоведов, в данных сферах так и не сложилось – это позволяет предпринимать все новые усилия по разрешению поставленных вопросов.

Соответственно, после историографической части, которая дает возможность уяснить наиболее острые и актуальные проблемы изучения драмы, в диссертации выдвигается тезис, с учетом которого будет производиться дальнейшее рассмотрение текста и даваться новые варианты решения основных исследовательских вопросов. Тезис этот можно сформулировать следующим образом: создавая художественное произведение, которое опирается на реальные исторические факты, Пушкин должен был совершенно своеобразно определить задачи такого повествования – по его мнению, художественное произведение не могло быть строго документальным, но тем не менее требовало исторического правдоподобия, т.е., не претендуя на точную передачу фактов, оно должно было воссоздавать «образ эпохи», внушать читателю ощущение приближения к прошлому как к живой реальности. При этом воспроизведение духа эпохи, по Пушкину, подразумевало прежде всего фиксацию «образа мыслей» и мнений, характерных для людей выбранного периода.

В Главе первой, носящей название «Решение А.С. Пушкиным проблемы художественного воплощения исторической действительности в трагедии "Борис Годунов"» вышеупомянутый тезис о приоритетности для Пушкина воссоздания «образа эпохи» во всей полноте разворачивается более

---

¹⁸ Пушкин А.С. Борис Годунов. Комментарий Л.М. Лотман и С.А. Фомичева. СПб., 1996.

подробно. В свете стремления воспроизвести «образ эпохи» рассматривается вопрос об источниках, использованных Пушкиным в процессе работы над драмой, и, в частности, вопрос о характере влияния на Пушкина Н.М. Карамзина.

Многочисленные текстологические сопоставления безусловно свидетельствуют, что параллели между трагедией «Борис Годунов» и «Историей государства Российского» не носят надуманного характера, однако без обозначения принципа, которым Пушкин руководствовался при подборе источников на подготовительном этапе работы, невозможно установить, что же именно поэт почерпнул у Карамзина. Идея о том, что Пушкин в случае с «Борисом Годуновым» первоочередной своей задачей считал воссоздание «образа эпохи», постижение трудноуловимой атмосферы времени, позволяет предположить, что и у Карамзина он искал сведения об особенностях духа эпохи.

Введение к Главе первой в принципе обосновывает тот факт, что Пушкин, создавая художественные произведения на исторической основе, старался ограничить вымысел рамками исторического правдоподобия и ориентировался исключительно на «образ эпохи», который воплощался для него в точке зрения современников событий на происходящее.

В параграфе 1 Главы первой «Особенности отбора и интерпретации исторических источников, использованных А.С. Пушкиным для воссоздания «образа эпохи» в трагедии "Борис Годунов"» устанавливается, что одним из лучших источников с позиций воссоздания именно атмосферы эпохи являются исторические предания, которые фиксируют не точные даты событий, а восприятие фактов в народном сознании — этот вывод сделан при помощи материалов из исследований профессиональных фольклористов. Отмечается, что Пушкин, а также некоторые его современники, в частности, Н.В. Гоголь, отдавали себе отчет в этом свойстве преданий, более того, Пушкин осознанно использовал данную особенность при работе над «Историей Пугачевского бунта». Естественно предположить, что и на более раннем этапе, в процессе написания трагедии «Борис Годунов», Пушкин мог ориентироваться в первую очередь на предания и на выражаемое в них мнение народа о том или ином происшествии или историческом лице.

Далее в свете сделанного вывода о важности исторических преданий при воссоздании «образа эпохи» рассматриваются взаимоотношения трагедии Пушкина и «Истории» Карамзина. Пушкин мог воспринимать «Историю» как соединение обширного исторического материала, в том числе отображающего точку зрения современников Смуты на происходившее, и религиозно-монархической концепции Н.М. Карамзина, которая вызывала у поэта неприятие.

Учитывая то, что Пушкин всегда осознавал слабости Карамзина, в частности, его приверженность к истолкованию истории в религиозно-этическом духе и монархизм, можно утверждать, что поэт не заимствовал у историка тенденциозно окрашенную оценку событий и исторических деятелей, но прибегал к помощи «Истории» всякий раз, когда ему нужно было уточнить сущность происходившего или мнение современников Смуты – Пушкин был уверен, что Карамзин, при всем его монархизме, отличался большой тщательностью и обязательностью в обращении с источниками. Он пересказывал и цитировал летописи и другие документы времен Смуты, и можно предположить, что поэт искал у Карамзина в первую очередь именно этого добросовестного переложения документальных материалов.

После того, как в параграфе 1 приводятся аргументы в пользу данного обстоятельства, во втором и третьем параграфах («Использование А.С. Пушкиным исторических фактов в построении образа Бориса Годунова» и «Использование А.С. Пушкиным исторических фактов в построении образа Самозванца») проводится сопоставление текста трагедии с источниками времен Смуты в целях подтверждения того факта, что картина, отображенная в драме, соответствует тому впечатлению, которое складывалось о Смутном времени у очевидцев. В качестве объектов для сравнения выступают наиболее известные исторические источники, составленные либо во время Смуты, либо непосредственно после нее и выбранные Карамзиным в качестве основы при написании его труда – это Никоновская летопись, Сказание Авраамия Палицына, Иное сказание, хронографы и т.п., а также записки иностранцев – Дж. Флетчера, Маржерета, М. Бера (или К. Буссова), Г. Паерле. Сопоставительный анализ текстов ясно показывает, что в воссоздании образа эпохи Смуты Пушкин руководствовался именно этими источниками, отражающими живое восприятие очевидцев, а не концепцией Карамзина, которая была инородной по отношению к событиям начала XVII в., т.к. возникла в более позднее время.

По итогам главы делается вывод о том, что для Пушкина в художественном историческом произведении прежде всего важно было ощущение «живой современности» выбранной эпохи, воссоздание ее «образа», к чему он стремился и чего добивался за счет постижения мнений и мировоззрения людей изображаемого периода. Соответственно, на подготовительном этапе поэт разыскивал те источники, которые могли дать ему необходимую информацию о взглядах очевидцев на происходящее. «История государства Российского» Н.М. Карамзина устраивала его в этом отношении с тех позиций, что представляла собой не просто исторический труд, отражающий идейную концепцию автора, но и обширный свод цитат и ссылок на всевозможные подлинные документы.

В Главе второй, озаглавленной «Специфика драматургического действия в трагедии А.С. Пушкина "Борис Годунов"», тезис о первоочередном для Пушкина значении воссоздания образа эпохи во всей полноте и о предпочтении, отдаваемом им источникам, которые фиксируют даже не достоверные факты и даты, а преломление событий в народном сознании, т.е. в первую очередь преданиям, развивается дальше и используется для освещения вопроса о завершенности художественной структуры драмы. В Главе первой в ходе сопоставления текстов летописей и сказаний Смутного времени и текста пушкинской трагедии были не только отмечены черты сходства, но и выделен определенный круг устойчивых представлений о том или ином лице и событии, которые Пушкин без изменений переносил в свое произведение. Функционирование в пределах текста этих представлений, сложившихся в народном сознании и использованных в трагедии Пушкина для воссоздания «образа эпохи», хорошо прослеживается при использовании мотивного анализа, которому посвящена вторая глава диссертации.

Суть и смысл мотивного анализа были хорошо объяснены Б.М. Гаспаровым¹⁹, который видел полезность его применения для всех типов текстов, т.к. именно мотивный анализ позволяет увидеть все богатство смысловой структуры, раскрывающееся в непрерывно изменяющемся сочетании мотивов. Мы исходили из концепции мотивного анализа, предложенной Б. Гаспаровым, т.е. рассматривали сложное переплетение устойчивых смысловых элементов, образующих композиционное единство и открывающих все новые смысловые подтексты при варьировании их сочетаний.

Определенный свет на понимание сути мотива в нашей интерпретации может также пролить теория, основы которой были заложены А.Н. Веселовским²⁰ и которая затем была развита в работах отечественных фольклористов (см. историографию вопроса у И.В. Силантьева в работе «Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике»²¹). Основным признаком мотива в фольклорной практике называют его устойчивость, описывая механизм функционирования мотива как включение уже готового, сложившегося элемента в ткань авторского повествования.

В случае с трагедией Пушкина в качестве таких готовых элементов, группируемых автором по его усмотрению, выступают устоявшиеся народные мнения о событиях и деятелях эпохи Смуты, почерпнутые Пушкиным из летописей и исторических преданий. После вводной части, освещ-

---

¹⁹ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

²⁰ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.

²¹ Силантьев И.В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии. Новосибирск, 1999.

щающей теоретические вопросы применения мотивного анализа, в параграфе 1 «Функция мотива вины в развитии драматургического конфликта в трагедии А.С. Пушкина "Борис Годунов"» дается собственно анализ основного мотива, на котором строится действие пьесы – это мотив вины.

Мотив вины является определяющим для образа центрального героя – Бориса Годунова – и в зависимости от него ставится все развитие сюжета, т.к. и поведение Бориса, и отношение к нему окружающих заданы в соответствии с концепцией виновности героя в страшном преступлении – убийстве малолетнего царевича Димитрия. Мотив вины в трагедии, таким образом, разворачивается как на уровне внешнего конфликта (неприязнь народа к своему правителю вызвана тем, что Годунов в общем мнении – убийца), так и на уровне конфликта внутреннего – Борис на протяжении всей трагедии мучается угрызениями совести. Осложнением мотива является то обстоятельство, что Пушкин оставил вину Годунова недоказанной – в пьесе приведены указания как на виновность, так и на невиновность героя. В финале мотив вины разрешается смертью самого Бориса, которая непосредственно связана с появлением Самозванца, принявшего имя убитого царевича Димитрия, и гибелью семьи Годунова, причем устранение царевича Феодора имеет четкие параллели с произошедшей намного раньше угличской трагедией, когда погиб Димитрий, сын Иоанна Грозного.

Показательно, что мотив, в зависимость от которого поставлено развитие всего действия драмы, связан именно с Борисом Годуновым – это может пролить новый свет на вопрос о том, кого из персонажей следует считать главным. Самозванец присутствует в большем количестве сцен и действие драмы продолжается уже после того, как Годунов умирает, однако сюжетобразующий мотив вины, доведенный Пушкиным до логического завершения, возникает в связи с Борисом, что даст некоторые основания рассматривать Годунова как героя, на котором сосредотачивается основное внимание автора.

Вместе с мотивом вины в этом же параграфе рассматриваются второстепенные мотивы, также составляющие в совокупности характер Бориса Годунова и имеющие непосредственное отношение к главенствующему мотиву – это мотивы властолюбия и отцовской любви. И то, и другое свойство, т.е. безудержное стремление к власти и любовь к своим детям, приписывались Борису его современниками, а Пушкин ввел два этих мотива в свое произведение для расширения диапазона психологических проявлений Бориса и для создания более разностороннего образа.

Мотив властолюбия сопрягается с мотивом вины за счет того, что именно жажда власти подтолкнула Бориса Годунова к преступлению, а мотив отцовской любви приобретает особое значение в свете развязки мотива вины – грех, совершенный Борисом, в финале драмы претворяется в

возмездие, которое настигает семью Годунова – сторонники Самозванца убивают юного Феодора Борисовича, т.е. единственного наследника, который был особенно дорог Борису.

Параграф 2 Главы второй, носящий название «Мотив убийства и образ Самозванца в структуре сюжета трагедии "Борис Годунов"», посвящен рассмотрению мотивов, не составляющих непосредственно образ центрального персонажа. Первый из них – мотив убийства – является скорее сюжетным мотивом, он определяет общий ход событий в пьесе и влияет на ситуацию в целом. С образом Бориса мотив убийства связан через мотивы вины, властолюбия и отцовской любви за счет того, что, во-первых, вина Годунова состоит в том, что он был заинтересован в смерти малолетнего царевича Димитрия и его терзают муки совести из-за гибели мальчика, во-вторых, к преступлению Бориса толкает его властолюбие, желание устранить возможного соперника в борьбе за престол, и, в-третьих, давнее убийство Димитрия в трагедии находит свое отражение в совершающемся на глазах зрителей убийстве Феодора, любимого сына Годунова.

Помимо мотива убийства, в параграфе 2 рассматривается своеобразие с точки зрения мотивного анализа фигуры Самозванца – второго персонажа, который играет в пьесе существенную роль. Само возникновение этого героя напрямую связано с мотивом убийства – монах Григорий Отрепьев принимает имя погибшего царевича. Но, оставаясь встроенным в переплетение мотивов драмы, как и образ Бориса Годунова, образ Самозванца противопоставлен ему с точки зрения мотивного анализа. Помимо того, что Борис и Самозванец являются противниками на сюжетном уровне, они еще и кардинально отличаются друг от друга за счет того, что характер Бориса составляется из конечного числа мотивов, отражающих привычные клише восприятия этого исторического деятеля в народном сознании, а относительно Самозванца в народе так и не сложилось единообразного мнения – загадкой до сих пор остается даже его подлинная личность. Пушкин реализовал эту особенность, сделав изменчивость основным мотивом, определяющим образ Самозванца.

Вывод в Главе второй может быть сформулирован следующим образом: используя в качестве источников для своей трагедии исторические предания, Пушкин выделил в них устойчивые элементы представлений о происшедшем и ввел их в свою трагедию в качестве мотивов. Мы выделили основные мотивы, образующие структуру драмы: это мотив вины, определяющий характер центрального персонажа Бориса Годунова и одновременно задающий развитие внешнего и внутреннего конфликта – столкновения власти и народа и конфликта нравственного; второстепенные мотивы, дополняющие образ Бориса – мотивы властолюбия и отцовской любви; мотив убийства, наряду с мотивом вины конструирующий действие; мотив изменчивости, противопоставляющий непостоянный, не-

отчетливый облик Самозванца облику его противника Бориса Годунова, который укладывается в конечный набор нескольких качеств.

Все эти мотивы находятся в состоянии взаимозависимости и при сопоставлении их друг с другом выявляются все новые смысловые нюансы пьесы (примером может служить ситуация с мотивом вины, помогающим уточнить вопрос о предпочтении, отданном автором тому или другому герою, или с мотивом изменчивости, благодаря которому четко противопоставляются фигуры Бориса и Самозванца). С точки зрения мотивного анализа также ясно видна композиционная завершенность пьесы — действие ее продолжается ровно столько, сколько нужно для полного развертывания всех мотивов.

К финалу достигает своего завершения мотив вины, переплетающийся с мотивами властолюбия и отцовской любви — давний грех Бориса приводит к тому, что, расплачиваясь за него, погибает сам Годунов, его жена и сын, причем гибель сына, не успевшего ни в чем согрешить, аналогична гибели столь же невинного царевича Дмитрия, тоже устраненного в борьбе за власть. Финал же является завершением развития мотива убийства — Пушкин на протяжении пьесы не только успел полностью изложить историю гибели Дмитрия, но и в последней сцене воссоздал как бы зеркальное отражение прошлого — опять совершается убийство, но теперь жертвой выступает сын Годунова, умерщвленный по приказу человека, назвавшегося царевичем Дмитрием.

Мотивный анализ дает возможность выдвинуть тезис о том, что драма Пушкина никоим образом не представляет собой беспорядочное смешение сцен, а является четко сбалансированным единством, где ни один элемент не может быть устранен или заменен другим и где все мотивы достроены до конца, развернуты полностью и не требуют дальнейшего развития. Историческое действие продолжается, но сам Пушкин останавливается на ситуации убийства Феодора Годунова, поскольку именно этот момент является последней точкой в развитии мотивов, положенных в основу драмы «Борис Годунов». Важно, что, используя мотивы, т.е. готовые элементы, Пушкин все-таки отбирал и группировал их по собственному усмотрению, реализуя принцип творческой свободы автора художественного произведения, и, кроме того, мотивы в пределах пушкинского текста обретали дополнительную смысловую глубину — так, к примеру, мотив вины превращается в мотив недоказанной вины, отражая сложность исторической ситуации, в соответствии с которой виновность Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия так и не была подтверждена документально.

Глава третья «Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и формирование историко-философских взглядов писателя» рассматривает более общие вопросы, касающиеся изучения драмы — «Борис Годунов» как художественное историческое произведение неизбежно должен отражать, во-

первых, представления автора об особенностях создания подобных произведений, сочетающих в себе описание исторических событий и вымышленные эпизоды, и, во-вторых, взгляды на историю вообще. У Пушкина, несомненно, существовало четкое представление о том, на каких принципах должно строиться художественное произведение, и свое собственное понимание исторического процесса. Теоретическое осмысление взглядов на ту и другую проблему относится к более позднему времени, чем работа над «Борисом Годуновым», но анализ текста и сопоставление его с заметками и статьями последующих лет показывает, что на интуитивном уровне Пушкин уже реализовал в произведении все те идеи, которые четко сформулировал позже.

Сущность пушкинских взглядов на историю и исторические произведения можно вкратце охарактеризовать как, с одной стороны, новаторские, с другой – покоящиеся на прочном фундаменте предыдущих достижений в данной области. В параграфе 1 Главы третьей, который называется «Художественно-историческая концепция трагедии «Борис Годунов» и риторика» рассматривается пушкинское понимание правил создания исторических произведений, в том числе художественных.

В пушкинском восприятии существовало разделение на вымышленное и документальное историческое повествование, однако разделение не было настолько радикальным, как можно предположить – и для исторических трудов, и для художественных сочинений с историческим сюжетом Пушкин определял как необходимость тщательную подготовительную работу, изучение всех доступных сведений, создание полной, непротиворечивой картины происходившего, объективность автора. Отличие художественного произведения от документального, по мнению Пушкина, заключалось в наличии авторского вымысла – т.е. автор исторического труда не имел права вообще ничего домысливать, тогда как автор художественного сочинения мог вводить дополнительные вымышленные подробности, держась в рамках исторического правдоподобия.

Эта система взглядов существовала у Пушкина в достаточно оформленном виде, хотя у него не было единого произведения, которое бы осмысливало вопросы исторического документального и художественного повествования на теоретическом уровне – мнения поэта выражались в заметках по различным поводам, а также непосредственно реализовались в произведениях, им созданных.

Собранные воедино высказывания Пушкина по поводу исторических произведений обнаруживают, с одной стороны, свою прогрессивность (так, требование от историка тщательной предварительной работы с документами, сверки всех источников и критики их с точки зрения достоверности во времена Пушкина еще не считалось само собой разумеющимся, эти правила установились в исторической науке лишь позже), а с другой – в

них присутствуют определенные черты сходства с теоретическими высказываниями, заключенными в риториках и учебниках словесности того времени. Риторика и учебники словесности вобрали в себя все теоретические основы создания и классификации литературных произведений, которые складывались в России начиная с XVII в., но к началу XIX в. уже не претендовали на актуальность, в восприятии публики постепенно переходя в разряд устаревших сочинений.

Для сопоставления с пушкинскими идеями нами были взяты «Частная реторика Н. Кошанского»²² и «Учебная книга русской словесности» Н. Греча²³, последняя из которых была в библиотеке Пушкина, а Н.Ф. Кошанский преподавал в Царскосельском лицее в те годы, когда там учился Пушкин и, разумеется, его взгляды были поэту известны. В результате сравнения высказываний Пушкина и Кошанского и Греча, касающихся целей и задач исторического повествования, фигуры историка, характеристики отдельных жанров исторической прозы, можно сделать вывод о том, что тезисы, развиваемые Пушкиным, иногда точно повторяют формулировки авторов риторик.

Риторика в 20-30-е гг. XIX в. уже воспринимались как нечто архаичное, но вместе с тем они представляли собой уникальное явление с тех позиций, что в них были собраны и осмыслены теоретические и практические принципы создания литературных произведений. Пушкин использовал то лучшее, что заключалось в риториках, применив к условиям уже XIX века.

Параграф 2 Главы третьей, озаглавленный «Художественный опыт А.С. Пушкина в становлении и оформлении его историко-философских воззрений», рассматривает последний аспект, который мы планировали затронуть в диссертации – общее понимание истории и исторического процесса, свойственное Пушкину. Представление об истории прочитывается как непосредственно в исторических произведениях Пушкина, так и в заметках и статьях теоретического плана.

В качестве предпосылки для наших рассуждений взят тезис, что характер воссоздания действительности в историческом произведении, в частности, в трагедии «Борис Годунов», четко соотносится с восприятием автором исторического процесса. Отмечаемая многими исследователями и критиками хаотичность построения драмы «Борис Годунов», где события выглядят чередующимися в произвольном порядке и достаточно случайными, на уровне мотивного анализа превращается в четко сбалансирован-

---

²² Кошанский Н.Ф. Частная реторика Н. Кошанского. СПб., 1840.

²³ Греч Николай. Учебная книга русской словесности. СПб., 1830.

ное единство, где каждый элемент находится на положенном ему месте и тесно соединен со всеми остальными.

Соответственно, руководствуясь этим наблюдением, а также заметками Пушкина, касающимися роли случая в истории, можно выдвинуть предположение о том, что исторический процесс в целом виделся Пушкину как сочетание случайности, вероятности, и некой высшей разумности, которая организует случайность и после того, как она произошла, включает ее в неразрывную цепь событий. Данное восприятие исторического процесса, характерное для Пушкина, соотносится с новыми веяниями, которые возникли в философии и исторической науке на рубеже XVIII-XIX вв.

В конце XVIII в. в Европе сложилось принципиально новое отношение к истории как науке – исследователи перешли от эмпирического объяснения исторических фактов к попыткам найти универсальное основание для существования человечества в целом. Так родились историософские концепции, объясняющие историю с позиций философии – это концепции И. Канта, И.Г. Гердера, Г. Гегеля, Ф.В. Шеллинга и др. Для этих философско-исторических систем характерно осмысление истории как сочетания случайности и закономерности, свободы воли каждого отдельного человека и высшей силы, организующей все случайности в интересах поступательного развития человечества.

Данные философские теории были хорошо известны в России, в особенности взгляды Ф.В. Шеллинга, сторонники которого образовывали в пределах России целые школы. Известно, что Пушкин был лично знаком с представителями московского кружка шеллингианцев и, разумеется, имел представление о выдвигаемых ими идеях. Кроме того, он был хорошо осведомлен о всех последних веяниях в исторической науке и о возникающих новых тенденциях. Попытки ввести пушкинские идеи и высказывания, касающиеся исторического процесса в целом, в более широкий контекст общеевропейской философской мысли имеют, таким образом, достаточно веские основания.

В Заключении еще раз кратко сформулированы основные выводы, касающиеся принципов воссоздания действительности в драме «Борис Годунов», которые подразумевают в первую очередь воспроизведение «образа эпохи»; использованных Пушкиным источников, в частности, его отношения к «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина; завершенности драматургического действия и более общих вопросов о характере исторических взглядов Пушкина.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. Исторические взгляды А.С. Пушкина в контексте историософских концепций его времени // Материалы XXXVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 2000. С. 106-108.

2. Система образов главных героев в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Сибирская пушкинистика сегодня. Новосибирск, 2000. С. 133-151.

3. Роль исторических преданий в формировании художественного образа эпохи в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Материалы XXXIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение. Новосибирск, 2001. С. 3-4.

4. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и формирование исторических взглядов писателя // Материалы XL Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Литературоведение. Новосибирск, 2002. С. 5-7.

5. Роль исторических преданий в формировании художественного образа эпохи в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Вестник НГУ. Т. 1. Вып. 1. Филология. Новосибирск, 2002. С. 22-26.

6. Образ Бориса Годунова: к вопросу о решении А.С. Пушкиным проблемы достоверности исторических источников // Книга и литература в культурном контексте. Сборник научных трудов, посвященный 35-летию археографической работы в Сибири (1965-2000 г.). Новосибирск, 2002. (1,4 а.л.) (в печати).